

ПЕРЕПИСКА А. Н. КАРЦОВА

А. Н. Карцовъ — П. Н. Стремоухову.

Иерусалимъ, 5/17 Мая 1866.

Милостивый Государь, Петръ Николаевичъ,

Господа Эпингеръ и Дорогулинъ благополучно прибыли въ Иерусалимъ 3/15 Мая. Вчера я былъ у Баррера съ предложеніемъ приступить къ дѣлу. Онъ и французскій архитекторъ Мауссъ готовы немедленно заняться составленіемъ проекта *abî provisoire* и тотъ часъ приступить къ его сооруженію совмѣстно съ нами, но объ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, т. е. о перестройкѣ Купола, молчатъ упорно, говорятъ, что не имѣютъ на то никакихъ инструкцій. Я замѣтилъ французскому консулу, что онъ мнѣ слово въ слово повторяетъ то же, что маркизь Мутье генераль-адъютанту Игнатьеву, который вслѣдствіе этого долженъ былъ отпустить Эпингера изъ Константинополя безъ всякихъ инструкцій, продержавъ тамъ нашего архитектора три недѣли; изъ чего я невольно заключаю, продолжалъ я, что соглашеніе состоявшееся по купольскому вопросу, вслѣдствіе личнаго объясненія между императоромъ французовъ и русскимъ посломъ не было съ должною относительно исполненія искренностью принято второстепенными агентами Его Величества. Барреръ при словахъ этихъ видимо смутился. Продолжая развивать ту же мысль, я спросилъ его:—во всѣхъ ли пунктахъ правительства наши въ настоящее время теоретически согласны по вопросу о перестройкѣ Святогробскаго Купола?—Французъ отвѣчалъ:—*la dessus il n'y avait plus l'ombre d'un doute, nous sommes d'accord en tous points et m-r Drouyn de Lhuys l'annonçait officiellement*

déja au mois de mars.—Если такъ, то что же мѣшаетъ архитекторамъ теперь же приступить къ чертежамъ рисунковъ и составленію смѣты предполагаемой перестройки? Зачѣмъ ограничивать ихъ дѣятельность исключительно одними разсужденіями объ абри, о которомъ они уже договорились въ 1863 году. Абри ни что иное какъ лѣса, необходимые при каждой постройкѣ и не только страннымъ, но даже противнымъ здравому смыслу, кажется мнѣ сооружать лѣса и помосты прежде составленія смѣты опредѣленія того, что именно намѣреваются строить. Бареръ всячески старался вывертываться:—*je suis parfaitement de votre avis, mais que voulez vous: m-r Mauss est tres entêté.*—Вотъ ваши слова:—въ Іерусалимѣ они (Эпингеръ и Дорогулинъ) займутся какъ можно скорѣе, чтобы тотчасъ послѣ Пасхи начать работы составленіемъ смѣты и самой точной программы работъ и, какъ только это будетъ сдѣлано, вы получите другое назначеніе, вамъ будетъ назначенъ преемникъ и, по ознакомленіи съ направленіемъ дѣлъ и лицъ, вы получите разрѣшеніе оставить Святой Градъ и пр.

Пасха прошла давно, сегодня Вознесеніе; а тамъ и Троицынъ день,—по неволѣ наворачивается воспоминаніе пѣсни о Мальбрукѣ и выраженіе:—*ou à la Trinité. La Trinité se passe—la Coupole ne se fait pas.*—Но ради Бога не заключайте изъ этого, что бессмысленно стремлюсь вырваться изъ Іерусалима. Состоя на службѣ, вполне понимаю, что я долженъ оставаться тамъ, гдѣ мнѣ приказываютъ. Не менѣе того понимаю также, что дѣло которое теперь имѣю въ рукахъ, крайне интересно и самая важность его должна мнѣ воспрещать даже всякіе помыслы объ отлучкѣ въ такое время, когда дѣйствительно присутствие мое, какъ русскаго агента можетъ оказаться необходимымъ. Но посудите сами, пришло ли это время? Если примется проектъ отправленія архитекторовъ въ Парижъ, то консуламъ до осени рѣшительно нечего здѣсь будетъ дѣлать; если не примется, то тѣмъ менѣе будетъ намъ въ Іерусалимѣ дѣйствительнаго занятія. Водотолченіемъ (т. е. любезнымъ разговоромъ съ Барреромъ и постояннымъ въ донесеніяхъ повтореніемъ одного и того же) можетъ заниматься Эпингеръ и безъ консула, такъ какъ онъ не менѣе меня знаетъ вопросъ этотъ со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ, мнѣ нужно отдохнуть. Хотя вы не были въ Палестинѣ, однако, по слухамъ, вѣроятно, имѣете приблизительное понятіе о томъ, что такое здѣшнее существованіе. Говорю, мнѣ нужно отдохнуть и хоть на одинъ мѣсяцъ высвободиться изъ удушливой и отупляющей Іерусалимской среды. Честью завѣряю васъ, что это не фантазія, не прихоть, а крайняя необходимость. Если вы для пользы

дѣла найдете нужнымъ, чтобы я опять возвратился на нѣкоторое время въ Иерусалимъ,—возвращусь безропотно, но уже съ освѣженной головою, съ новою охотою и новыми силами. Въ такомъ случаѣ Императорское Министерство, можетъ быть, нашло бы возможнымъ согласовать это съ моимъ повышеніемъ, назначивъ меня въ Корфу съ временнымъ оставленіемъ управляющимъ Иерусалимскимъ консульствомъ.

Простите добродушно крайнюю мою назойливость.

Повторяю, пишу не къ начальнику, а потому сердиться на меня не можете; убѣдительно умоляю васъ принять во мнѣ то участіе, которое я вполне заслуживаю. Посовѣтуйтесь объ этомъ съ директоромъ Азіятскаго департамента и если Его Превосходительство не захочетъ, чтобы я здѣсь отупѣлъ и дошелъ до крайнихъ предѣловъ глупости, то протелеграфируйте мнѣ объ отпускѣ черезъ Н. П. Игнатьева. Тогда, вѣрьте, что я хоть на два только дня, а все-таки приѣду въ Петербургъ, чтобы съ сердечной признательностью пожать вамъ руку и благодарить за все для меня сдѣланное. Въ надеждѣ на скорое свиданіе, прошу васъ вѣрить въ глубокое уваженіе и полную искренность чувствъ душевно вамъ преданнаго и искренно васъ любящаго

А. Карцова.

P. S. Ради Бога, не допускайте, чтобы рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи праздниковъ, въ которые греки должны будутъ для латинянъ освѣщать свою галерею, перенесенъ былъ въ Иерусалимъ. Изъ этого можетъ выйти страшная чепуха и испортиться все дѣло. Пускай и это рѣшатъ въ Парижѣ.

А. Н. Карцовъ—А. С. Норову

Иерусалимъ.

Милостивый Государь, Авраамъ Сергѣевичъ,

Бывшій секретарь мой, Юзefовичъ, на дняхъ сообщилъ мнѣ, что въ разговорѣ съ нимъ Ваше Высокопревосходительство изволили выставить противъ меня нѣкоторые укоры. Богъ видитъ то глубокое и сердечное уваженіе къ вамъ, которое само собою вкоренилось во мнѣ съ перваго моего съ вами знакомства и всю искренность моей признательности за истинно родственное ко мнѣ расположеніе и всѣ ваши

ласки въ бытность мою въ Петербургѣ. Мнѣ тѣмъ болѣе грустно слышать теперь, что Ваше Высокопревосходительство составили себѣ такое невыгодное мнѣніе обо мнѣ, не только грустно, вѣрѣте, право, больно. Не знаю, успѣю ли передъ вами оправдаться; позвольте мнѣ, однако, сказать хоть нѣсколько словъ въ свою защиту.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Россіи почти вовсе еще незнакомый съ о. Леонидомъ, я съ изумленіемъ долженъ былъ узнать его совершенно другимъ, чѣмъ вы его знаете. Объ этомъ я тотчасъ написалъ Марьѣ Николаевнѣ Демидовой¹⁾ съ полною искренностью, прося ее о содержаніи моего письма сообщить Вашему Высокопревосходительству. Къ ея посредничеству я въ этомъ случаѣ прибѣгнулъ потому, что боялся, можетъ быть, въ неожиданномъ и скорбномъ разочарованіи моемъ на счетъ о. Леонида, въ письмо мое вкрались бы о немъ выраженія рѣзко противорѣчащія тому мнѣнію, которое о. Леонидъ успѣлъ въ васъ составить о своей личности. Вслѣдствіе этого я здѣсь не рѣшаюсь болѣе распространяться по поводу такого грустнаго вопроса. Но прибавлю только, что добрая наша Марья Николаевна на этотъ разъ измѣнила обычному своему ко мнѣ расположенію, не удостоила меня отвѣтомъ, а только поручила Екатеринѣ Сергѣевнѣ Карцовой²⁾ написать мнѣ, что она вамъ содержаніе моего письма передать не рѣшилась.

По поводу экземпляра „Паломника Даниила“, въ началѣ прошлаго года переданнаго мною Барреру, я на дняхъ безъ церемоніи напомнилъ сему легкомысленному галлу, говоря, что я изъ за него навлекъ на себя ваше неудовольствіе. Онъ очень сконфузился потому, что тогда же при передачѣ сказалъ мнѣ, что онъ самъ будетъ письменно васъ благодарить; между тѣмъ засуетился приготовленіями къ отъѣзду и съ тѣхъ поръ пробылъ во Франціи около девяти мѣсяцевъ.—При этомъ прилагаю письмо, которое онъ тотчасъ же для исправленія своей вины написалъ и передалъ мнѣ съ просьбой переслать къ вамъ въ Петербургъ.

Сегодня утромъ послѣ крестнаго хода Патріархъ вручилъ мнѣ, препровождаемое у сего, письмо на имя Вашего Высокопревосходительства; зная, что вечеромъ отходить русская почта въ Яффу, Блаженнѣйшій Кириллъ сказалъ мнѣ, что не хочетъ пропустить такого вѣрнаго случая.

¹⁾ Племянница А. С. Норова и родственница А. Н. Карцова.

²⁾ Жена С. Н. Карцова, брата А. Н.

Такъ какъ пора отправлять курьера, я долженъ торопиться. Кончаю это письмо убѣдительнѣйшею просьбою не лишать меня милостиваго вашего расположенія и снисходительно принять то, что я на этомъ листѣ могъ почтительнѣйше представить въ свою защиту.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннею сердечною преданностью имѣю честь быть.... и пр.

А. Карцовъ.

П. Н. Стремоуховъ—А. Н. Карцову

С.-Петербургъ, 18 Мая, 1866.

Несказанно виновать передъ вами, что такъ безконечно долго не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо отъ 26 Марта, но не можете себѣ вообразить какъ незамѣтно уходитъ день за днемъ при нескончаемой у насъ суматохѣ, такъ что при самомъ искреннемъ желаніи побесѣдовать съ добрымъ пріятелемъ, и не увидишь какъ мѣсяць пробѣжалъ, а отвѣта не написалъ.

Вполнѣ понимаю, что пребываніе въ Іерусалимѣ сдѣлалось для васъ болѣе невыносимымъ чѣмъ когда-либо, но что же дѣлать? ради Бога, возьмите терпѣніе и вѣрьте, что если ваши желанія не исполняются немедленно и безотлагательно, то вовсе не отъ недостатка во мнѣ участія—желанія, а лишь благодаря особеннымъ обстоятельствамъ. Вы сами знаете, что дѣло о Куполѣ придется переслать въ Парижъ, чтобы тамъ добиться составленія общей программы работъ; если это и удастся, то необходимо будетъ направить эту программу къ исполненію на мѣстѣ въ Іерусалимѣ—устранить разомъ всякія противо-дѣйствія французскаго консульства—латинскаго духовенства. Согласитесь, что для новаго человѣка это было бы почти невозможно, и князь рѣшительно не хочетъ слышать о вашемъ переводѣ, покуда Купольское дѣло не будетъ поставлено на твердую почву и не вступитъ на правильный путь. За мѣсто къ Корфу можете быть вполнѣ спокойны; я имѣю положительное согласіе князя и потому мѣсто это остается вакантнымъ и васъ ожидаетъ. Кромѣ того, покуда не рѣшено, кто будетъ назначенъ на мѣсто Кожевникова, потому что не рѣшенъ вопросъ—останется ли постъ въ Руцукѣ консульскимъ или будетъ тамъ учреждено генеральное консульство. Наконецъ въ настоящее время дѣла такъ натянуты въ Турціи и тамъ такъ угрожаютъ важныя событія, что признано рѣшительно необходимымъ, чтобы всѣ агенты оставались

покуда на своихъ мѣстахъ и даже никому изъ нихъ не разрѣшается отпущекъ. По этимъ же причинамъ замедлена отставка, которую просить Лаговскій потому, что въ настоящее время невозможно переводить его преемника. Кажется, что вы не имѣете права сомнѣваться въ моей искренней дружбѣ къ вамъ, а потому я убѣжденъ, что вы повѣрите моему честному слову, что вы не останетесь ни одного лишняго мѣсяца въ Св. Градѣ, какъ только вашъ переводъ окажется возможнымъ. Послѣ этого я смѣю надѣяться, что вы вооружитесь мужествомъ—терпѣніемъ—допьете доставшуюся вамъ чашу до дна, хотя, конечно, не безъ усилія и не безъ гримасъ.

Нужно ли вамъ повторять, что вашими дѣйствіями—донесеніями—министерство постоянно довольно въ высшей степени; кончайте какъ начали—вотъ и все. Вся наша семья, жена моя и дѣти любятъ васъ по прежнему, а я крѣпко цѣлую. Искренно любящій васъ

Петръ Стремоуховъ.

В. Чичеринъ—А. Н. Карцову

Парижъ, 26 ноября/8 декабря 1866.

Я получилъ письмо ваше изъ Бейрута уже послѣ отъѣзда Эпингера и потому не могъ предупредить, что онъ направилъ свой путь черезъ Смирну. Ни въ посольствѣ, ни въ вашей бывшей квартирѣ нѣтъ писемъ для васъ; одно только было письмо получено отъ палестинской комиссіи, я вручилъ его Эпингеру для передачи вамъ. Очень радуюсь сообщенному вами извѣстію, что лѣса благополучно прибыли въ Иерусалимъ. Сегодня я узналъ, что въ Константинополь совѣтъ министровъ рѣшилъ изъявить полное согласіе на тождественныя инструкціи, а также на разрушеніе комнатъ вакуфа; остается предоставить это дѣло на ратификацію султана, что по всей вѣроятности не замедлитъ. Въ программѣ работъ не было до сихъ поръ сдѣлано никакого измѣненія. Для безостановочнаго ихъ хода и для разныхъ заказовъ препровождено вамъ отсюда черезъ Ротшильда сорокъ тысячъ франковъ. Благоволите насъ увѣдомить о ихъ полученіи и предоставленіи въ распоряженіе Эпингера.

Впрочемъ въ непродолжительномъ времени вы, вѣроятно, проститесь со всѣми этими вопросами; вчера я прочелъ Journal de St. Peters-

bourg, что вы назначены генеральнымъ консуломъ въ Корфу, гдѣ васъ ожидаетъ совершенно иная дѣятельность. Примите мои искреннія, поздравленія, хотя къ нимъ и примѣшивается нѣкоторое сожалѣніе, о которомъ не хочу распространяться; вы должны быть очень довольны,— это главное; не нужно быть эгоистомъ и сожалѣть, когда человекъ радуется. Примите вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и совершенной преданности.

Ч и ч е р и н ъ.

А. Н. Карцовъ—П. Н. Стремоухову

Иерусалимъ, 5/17 мая 1866.

..... il (m. Mauss) a pour instructions d'établir l'abri provisoire; on ne lui dit rien des plans ni d'un devis pour la nouvelle Coupole et il ne voudra pas même en parler avec son collègue m-r Eppinguer, avant de recevoir l'ordre formel de qui de droit? Quant à la lenteur que met dans cette affaire m-r de Moustier, je ne puis me l'expliquer qu'en ce sens: le marquis tiendrait à ce que les architectes fassent d'abord ce en quoi ils se sont déjà accordés—l'abri provisoire et de cette manière éviter de nouvelles et inutiles complications; plus tard ils pourront de concert travailler au plan de la Coupole même. La mauvaise santé de m-r Mauss exige impérieusement qu'il aille pour quelque temps se rafraichir en France: il en a déjà écrit au ministre et attend son congé par chaque courrier. Pourquoi Eppinguer ne le suivrait-il pas, pour faire ensemble la commande des bois nécessaires et puis à Paris, sous les yeux de l'Ambassade de Russie et du ministre des affaires étrangères s'occuper des plans et devis de la reconstruction projetée. La ils trouveront toujours des supérieurs pour les mettre d'accord, tandis qu'ici nous ne pourrions rien sur eux.

Всему этому разговору я придалъ характеръ совершенно частный и впередъ предупредилъ Баррера, что сообщаю ему исключительно личные мои воззрѣнія на дѣло. Въ заключеніе я прибавилъ ему, что, если бы Россійское правительство согласилось для ускоренія и упрощенія дѣла отправить архитекторовъ во Францію и тамъ сосредоточить всѣ теоретическія ихъ занятія, я полагалъ бы удобнымъ планы и смѣту новаго Купола, составленные г. Эпингеромъ еще въ 1863 году и съ которыхъ кальки и копии были тогда же частнымъ образомъ переданы французскому архитектору, сообщить офиціально г. Друэнъ де Люису. Г. Мауссу остался бы только трудъ сдѣлать на нихъ свои помѣтки и обоимъ архитекторовъ согласить было бы весьма не долго.

Моя мысль эта была вполне одобрена Барреромъ и онъ увѣрилъ меня, что она непременно будетъ принята французскимъ министерствомъ для ускоренія дѣла весьма близкаго сердцу императора Наполеона.

Вотъ, Ваше Превосходительство, въ точности положеніе этого дѣла въ Иерусалимѣ. Въ частномъ моемъ письмѣ къ Н. П. Игнатьеву отъ 8/20 апрѣля, слѣдовательно, еще задолго до прибытія сюда Эпингера, я уже писалъ почти то же, что и здѣсь, то есть, что при нынѣ существующей личной обстановкѣ со стороны французовъ дѣло будетъ только затягиваться, запутываться и толку не добьемся никакого; я просилъ тогда же Н. П. сообщить это мнѣніе мое въ Петербургъ. Здѣсь въ заключеніе я по совѣсти считаю обязанностью повторить то же: дѣло о перестройкѣ купола должны вырвать не только изъ Иерусалимской среды, но вести его до конца даже помимо Константинополя, иначе это будетъ вѣчнымъ водотолченіемъ. Соглашеніе состоялось въ Парижѣ, тамъ же теоретически долженъ быть разрѣшенъ этотъ вопросъ до послѣдней буквы и въ Св. Градѣ перенесенъ только для пракческаго и матеріальнаго выполненія. Это легко тѣмъ болѣе, что, какъ Эпингеру, такъ и Мауссу уже давно въ малѣйшихъ подробностяхъ извѣстны и всѣ условія, и всѣ размѣры существующаго стараго Купола.

Съ отличнымъ почтеніемъ.... п пр.

А. Карцовъ.

